

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*



Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 7, Is. 1, pp. 47–52, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.7.47
www.ejournal16.com



UDC 929/94(47).084.6

The Role of Biographical Stories in the Ethnographic Research: The Case of Interview with Fedora Kravchenko

Preparing the material for publication and introduction
Irina A. Kuznetsova

Research Centre for Traditional Culture
Government Budget Scientific and Creative
Institution for Culture of the Krasnodarsky Krai
Kuban Cossack Choir, Russian Federation
5, Krasnaya Street, Krasnodar, 350063
E-mail: i.a.kuznetsova@gmail.com

Abstract

The interview with Fedora Kravchenko, born in the Uspensky District of the Krasnodarsky Krai, actualizes the issue of the research potential of biographical materials collected in ethnographic expeditions. The gap between individual stories and generalized facts is discussed. The peculiarities of youth relationships and marital strategies in the Kuban region in the pre-war period are characterized.

Keywords: ethnographic interview; individual stories; family; wedding; sung couplets; Krasnodarsky Krai; 1920–1930s.

В этнографическом исследовании биографические истории, как правило, играют роль дополнительной информации, позволяющей корректировать ход интервью и последующую работу с собранным материалом. Сведения о социальном статусе семьи и о жизненном пути собеседника позволяют определить степень его вовлеченности в традиционную культуру. В других гуманитарных дисциплинах, активно использующих метод интервью и разрабатывающих сходную проблематику, внимание к биографическим материалам более пристальное. Для специалистов в области устной истории и социологии [1, 2] этот вид источников – один из основных, активно он используется также в междисциплинарных областях, например, на стыке устной истории и фольклористики [3], устной истории и визуальной антропологии [4], устной истории и этнографии [5–7]. Функцию вспомогательного материала он выполняет в диалектологических исследованиях [8].

Специфика же этнографического интервью состоит в том, что оно предполагает выход на уровень обобщений, описание того, что типично уже во время записи, соответственно биографические истории обычно остаются за рамками исследований.

Уклонение от записи личных историй может быть вызвано не только исследовательскими задачами, но и этическими предпосылками¹. Многим собеседникам пришлось жить в эпоху социальных потрясений. Гражданская война, репрессии, голод

¹ См. об этом подробнее, например, в дискуссии [9].

затронули в той или иной степени все старожильческие семьи. Обобщающий разговор, не акцентирующий внимание на конкретных событиях жизни, дает возможность обойти травмирующие воспоминания.

Тем не менее описание повседневной жизни станичников в 1920–1930-е гг. и именно в кризисные моменты представляет особый интерес. Биографические нарративы, зафиксированные в ходе полевых исследований, играют роль источников личного происхождения в той культурной среде, для которой они не типичны. Нечасто мы встречаем дневниковые записи или мемуары людей, переживших голод 1933 г., участвовавших в коллективизации и т.п. Если цепь исторических событий мы можем восстановить, привлекая самые разные материалы, то о соблюдении норм и обычаев, о бытовании явлений культуры в данный конкретный период может свидетельствовать лишь тот, кто принимал в событиях непосредственное участие.

Полевые исследования Центра традиционной культуры Кубани направлены прежде всего на сбор материала, позволяющего реконструировать традиционную культуру кубанских станиц. Выявление фольклорных текстов, описание обычаев и обрядов, которых придерживались ушедшие поколения, позволяет очертить модель традиционной культуры, отталкиваясь от которой, можно было бы говорить о трансформационных процессах. Особый интерес в связи с этим представляют свидетельства станичников, годы рождения которых приходились на первые два десятилетия XX в. Описания явлений культуры в данном случае – это не пересказ со слов старших родственников, а повествование от том, что окружало наших собеседников в детстве. Соответственно во время проведения полевых работ фокус исследования смещался к периоду активного бытования традиционной культуры, тогда как описания обычаев более позднего периода ускользали из поля зрения собирателя. Собеседник, опираясь на детские воспоминания, давал подробные описания обычаев и обрядов, которые в его личной жизни не соблюдались или соблюдались не в полной мере. Интерес этнографов и фольклористов к повседневному и праздничному быту советского периода проявился лишь в последние годы, когда поколение старожил, способных описать период 1920–1930-х гг., ушло.

Несмотря на то что специальных исследований традиционной культуры, опирающихся на биографические истории, мало, рассказы о личной жизни присутствуют во многих интервью. Сложность представляет презентация подобных историй. Часто они являются иллюстрацией или комментарием. Растворенные в тематическом интервью, они не представляют того, что можно было бы назвать биографией или историей жизни.

В настоящей публикации представлены фрагменты интервью, состоявшегося в 1999 г. во время работы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции в Успенском районе Краснодарского края, с Федорой Федоровной Кравченко, в девичестве Никитиной, родившейся в казачьей семье в станице Убеженской Лабинского отдела Кубанской области в 1912 г. Интервью проводила и расшифровывала И.А. Кузнецова. Для публикации была сделана подборка биографических историй о выборе супруга и свадьбе. Исключение составляет короткий рассказ о несостоявшемся браке соседки. Федора Федоровна была прекрасным знатоком свадебных обрядов, от нее записано 18 песенных текстов, подробные описания ритуальных действий, однако в судьбе самой женщины свадьбы не случилось – ее история представляет собой как раз такой случай, когда традиционный и личный опыт существенно разнятся.

В тексте полужирным шрифтом выделены вопросы собирателя, в квадратных скобках восстановлены необходимые по смыслу слова, даны пояснения публикатора, отточием маркированы выпущенные фрагменты.

Я дружила с мальчиком – родители мои не знали, что я дружила, и его не знали, что он со мной дружил, потому что мы выходили замуж не с тем, с которым мы дружили, а за кого родители отдадут. Потому что бывает, родители знают друг друга. По состоянию жизни и по потомству берут. Вот, например, парень хороший, а родители нехорошие, там или воры, или чужбинники. Чужбинники – ну чужим трудом – по огородам лазит, такой смелости, мелочные воры, нехорошего поведения.

[...]

Нас называли кугучане. Это нижняки, а нас – кугучане¹. Мы там в центре встречались, где колхозная контора, только чуть туда дальше, протока там. И вот с одним парнем танцевала с критическими страданиями. Вот эта же гармошка играет, а он пошел танцевать, вызвал, ногой притопнул, ну мне. Девчонки: «Ну пойди, Федор, ну пойди». Я вышла.

Он:

Уж ты, милая моя,
Крути хуртой², как и я.

А я:

Ой, ты, миленький мой,
Я ж не успею за тобой.

А тогда встаю и говорю:

Самолет летел,
Крылья терлися
А мы не звали вас,
А вы приперлися.

Ой, тут аплодисменты, а тогда он:

А у милашки, у моей
Все по новой моде,
Пальто, платье во дворе,
А дрова в комодке.

А я тогда, ему же надо на ответ:

А у милого мово,
Аккуратненький носок,
Восемь курочек садится,
А девятый петушок.

И пошла танцевать, тогда он:

Ты ж меня спидманула,
Ты ж меня сподвила,
Ты ж мене, молодому,
Вечерить³ не дала.

А я тогда подошла к нему:

Да я вечерить дала,
Но не дала ложки,
Налила в черепочек,
Как собаке, трошки⁴.

Тут всё визг, визг, и подалась из круга. А вот сколько ходили туда, как только идем: «О, кугучане идут, и Черепочек идет». И вот это меня прозвали Черепочек, через это страдание.

[...]

Я вот расскажу за себя, что у меня получилось. Я с одним парнем задружила. Он интересный парень был, балалайкой же играл. А пост, не разрешают же ни петь, ни танцевать. Давайте [играть в игру] в «чью душу желаете» – надо чёй-то делать. Ну и они же ж, ребята. А казаки же ж мы, ну и он казак. А казаки тогда ходили не в брюках, а в штанах. Штаны на учкурах⁵, а учкуры в лямки вдевают... Ну я с ним задружила осенью. Вот осень, зима, а весна подошла – подошел же ж этот пост. Ну и начали в «кошки-мышки», или в «чью душу желаете». Он побег – надо ж было перебегать, а он или надулся, или не знаю, у него эти штаны соскочили, и запутался или плохо застегнул... и схватил тогда и понес в сторону. Опостылел он мне, не могу глядеть. Кричат: «Федор, у Трофима штаны соскочили, иди учкур вдевай!» Всё он меня и так, и так уговаривал.

¹ Нижняки и кугучане – наименования жителей разных концов станицы Убеженской.

² Хурта – бранное слово; пыль, буран, метель.

³ Вечерить – ужинать.

⁴ Трошки – немного.

⁵ Учкур – узкий ремень для штанов из сыромятной кожи или из конского волоса.

А вот с каким я прожила 54 года, он мне проходу не давал. А я с ним не хотела дружить. А ему это на руку, он начинает его критиковать.

[...]

Они [были] на рыбных промыслах в Махачкале, ну ему 16 лет тоже было, и он там погадал. Какая-то гадалка была, он говорит, от локтя и до пальца она узнавала. Цыганка она, или молдаванка, или грузинка, или кто она и вела по руке, и говорит: «На кого загадал, с тем ты и будешь жить». И вот он уверен. У меня другой кавалер был, я с ним дружила, а с ним – нет, и он ко мне не подходил. А где какой парень со мной не повстречался, а он поперек. А потом, когда я у него отпросилась, я ему пообещала, я говорю: «Петя, если нас судьба сведет, что ты будешь мой муж, а я твоя жена, тогда как хочешь», – и заплакала. А он тогда: «Ну, пускай», – поднял меня, а тогда вынул платочек с кармана, вытер слезы. Вот такая дисциплина была, вытер: «Ну и гляди, не убеги». Он же в черкеске¹, у черкески кинжал же, он распоясывался с поясом, а мене ж пригласил, черкеску расстелил и посадил минут на десять-пятнадцать – немножко. Вечером мы шли из центра. И я согласилась с ним посидеть. Ну он тогда сказал, имя мое не называл, кто знал меня – все знали, что он не называл меня, девкой когда я была. Он: «Эй, ты слышишь!» Девчат всех называл там – Тоня, Маруся – всех называл, а меня не называл, и я с ним не дружила. И вот это, когда он приехал оттуда, что погадала ему, он тогда проводил меня до двора и говорит: «Вот так, любовь моя, любишь ты меня, не любишь, но я тебя люблю всей душой и сердцем. Добровольно я тебя возьму в жены или худо, но всё равно ты будешь женой моей». И рассказал мне. Я ему: «Петя, если судьба сведет нас, ты будешь мой муж, я твоя жена, тогда, как хочешь, а сейчас не губи меня». А он всё трубит свое.

[...]

Ребята на улицу ходили и в двенадцать лет, и в одиннадцать. У нас одна, Лоскутова, вот где остановка, но тут уже другая хата построена, она с одиннадцати лет с мальчиком задружила. Ей бы, она десятого года [1910 – И.А.], а он с одиннадцатого, на год помоложе. И он ее никуда, она красивенькая была, голубоглазенькая такая. И он ее до девчат и до ребят не допускал, подруг она не имела. Он шесть лет с ней гулял, а замуж не взял. Уже у них было по-супружески, родители не схотели его: «У, чабанова дочка». Ее отец был чабан – пас овец, ну и его родители не схотели. Дак он что, как он жил с ею, [той,] какую взял, и он говорит: «Я не себе взял, а родителям». И он с ней так плохо относился. Она и приличная, и красивая, он говорит: «А мне не к сердцу, она мне как сожительница». И так он и жил, по женщинам ходил, какие без мужьев, а с ней плохо.

[...]

Родители ходили сватать. Вот мне шестнадцать лет было. Сестер поотдавали, я была наследница, последняя у родителей, уже на мене перевели наследство свое, я должна их доглядеть. Ну вот сватают. А их там три сына, и приходят его родители до моих родителей.

А сам жених идет вместе со сватами?

Нет. Вперед родители с родителями. Если согласны родители отдать, тогда идут с женихом. А я с ними в школу ходила, с ребятами, Тарасовы фамилия. Ну и приехали же они, ну что. С родителями поговорили, я об этом не знала. Теперь вызывает отец мой: «Федор, ты западинских² ребят знала Тарасовых?» Я говорю: «Знала Федьку, Шурку и Николая. Но только Федька и Шурка Тарасовы, а Николая Мамриненкин». Она сразу, вот женщина, ответила, что у Тарасовых мама умерла, а у Мамриненко папа умер, и вот они сводные братья. Она сразу, женщина: «Ну что, они тебе нравились?» А я говорю: «Нравились». Они мне все три нравились. Почему? Потому что они ходили в одинаковых рубашках, одинаковых фуражках, скромно себя вели. Я им рассказала. И тогда женщина говорит: «Ну все ж таки, кто из их тебе больше понравился?» А я тогда как стояла, да говорю: «Да это же не птичечка, что вот сидят на ветке три, да я поймаю. Они мне все три нравились, а так, как же я вам скажу, мне для жизни он же один мне нужен, а вы за трех говорите. Дак я вам отвечаю за всех за трех». А тогда говорю: «Вы меня извините, они мне понравились, но я вашим ребятам не нравлюсь!» Она сразу: «Почему?» – «Ну, потому что, если б я вашим ребятам нравилась, я не дома сижу, а в праздник и на улицу хожу, и на

¹ Черкеска – верхняя мужская одежда кубанских казаков.

² Западинские – жители хутора Западного, расположенного в 6 км от станицы Убеженской.

скачки, и на кулачки, а он ни один, никто со мной не побеседовал и об этом не сказал. Значит, я им не нравлюсь. Так есть у ваших ребят барышни, вот нехай берут их и живут с ними». Повернулась и пошла. Вот так сваталися. Я их видела и с ними в школу ходила.

[...]

Я вам за замуж за свой расскажу. Ну встречалась я с ним, уже нам по двадцать два года было. Вы меня извините, надо же уже соединяться же, а это в тридцать третьем году, у нас на столе крошки не было, оладьи кукурузные, у нас же всё позабировали. Ну и он пришел как-то раз на день, на день Красной армии. А он работал на пожарке, ну и ему там денег какую-то лепту кинули, заплатили. Он пришел: «Ну, сколько ты меня будешь тянуть?» Я говорю: «С родительской воли я не выхожу, хоть я с тобой сколько буду дружить, но за кого родители отдадут, за того и пойду» [...]. Родители в кухне были, а я в дому, ну он же ко мне пришел и пошел к родителям в кухню. Думаю: «О, чего его туда понесло, в кухню?» И сколько он там побыл, минут пятнадцать, не знаю, шапку одел – тогда боже упаси в шапке зайтить в комнату – надел шапку, пошел. Я утром захожу в комнату, отец говорит: «Ну, дочка, соглашаешься с Петькой жить, с Кравченкиным?» Я: «Ну, куда ж деваться, уж годы идут». – «Ну, счастливо вам. Я у него спросил: “А она тебе нравится?” Он говорит: “Она мне понравилась – еще я в трусах бегал, хочу чтоб она... на всю жизнь понравилась”». А он [отец – И.А.] говорит: «Ну, я ему сказал: “Пойди, возьми брачное свидетельство, и живите с Богом”». Свадьба какая же? У нас крошки хлеба не было.

Он пошел, он же ничего мне не сказал, ушел. Вечером пришел, принес, а бригадер дал ему зарплату. Ну сейчас пол-литра, а тогда чекушки¹ были. Он взял, бригадиру купил эту чекушку, и пошли до секретаря. Пришли до секретаря, он же у него как свидетель, и вот нашли нашу домовую книгу, он поглядел, что у Никитиных ребенок. «Ну вот, – говорит, – это моя жена будет». Ну и выписал ему свидетельство брачное. И этот же расписался за него, свидетель, бригадир. Он поставил чекушку и пошел. И принес, моему отцу-матери показал. Родители думали, что и я ходила туда. А я туда и не ходила, и не была. Ну вечером он заходит, на работе же он, зарегистрировался и на работу он пошел. А оттуда пришел и сказал отцу-матери, что я женился, ну и пришел к моим, преподнес и чекушку отцу поставил. Заходит в дом и дает мне. Я около стола была, а он кладет бумажку: «На». Я взяла и почитала. Ага, как же написано: «муж Кравченко Петр Константинович, жена Кравченко Федора Федоровна». А я говорю: «Петя, – повернулась к нему, – а как же это получилось, там же я согласия, согласия же спрашивают?» – «Ты сказала мне: “Если родители отдадут, то и я согласна буду”. Я ж пошел до родителей, отец-мать разрешили, ну я пошел и зарегистрировался».

Вот такая у нас свадьба была. И прожили мы 54 года.

Примечания

1. Биографический метод в социологии: история, методология и практика / под ред. Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой. М.: Институт социологии РАН, 1994. 147 с.
2. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 381 с.
3. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
4. Бойко И.В., Литвина Н.В. Чулеш и Килинск, XXI век: Межкультурная коммуникация староверов-беспоповцев, челканцев и шорцев: полевые материалы 2001–2005 гг. М.: Археодоксія, Карпов Е.В., 2005. 178 с.
5. Тугорский А.В. Биографический метод сбора полевой информации // Полевая этнография – 2008: материалы международной научной конференции / под ред. В.А. Козьмина, Н.В. Юхневой, И.И. Верняева. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. С. 11–21.
6. Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка. СПб.: Издательство Европейского университета в С.-Петербурге, 2005. 484 с.
7. Утраченное соседство: евреи в культурной памяти жителей Латгалии: материалы экспедиций 2011–2012 годов / отв. ред. С. Амосова. М.: Сэфер, 2013. 382 с.
8. Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л.Л. Касаткина. М.: АСТ-Пресс, 2010. 512 с.

¹ Чекушка – бутылка (водки) в четверть литра.

9. Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум On-line. № 5. С. 6–166. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf (дата обращения 05.03.2015).

References

1. Biograficheskiy metod v sotsiologii: istoriya, metodologiya i praktika / pod red. E.Yu. Meshcherkinoy, V.V. Semenovoy. M.: Institut sotsiologii RAN, 1994. 147 s.
2. Rozhdestvenskaya E.Yu. Biograficheskiy metod v sotsiologii. M.: Izdatel'skiy dom NIU VShE, 2012. 381 s.
3. Razumova I.A. Potaennoe znanie sovremennoy russkoy sem'i. Byt. Fol'klor. Istoriya. M.: Indrik, 2001. 376 s.
4. Boyko I.V., Litvina N.V. Chulesh i Kilinsk, XXI vek: Mezukul'turnaya kommunikatsiya staroverov-bespopovtsev, chelkantsev i shortsev: polevye materialy 2001–2005 gg. M.: Arkheodoksiya, Karpov E.V., 2005. 178 s.
5. Tutorskiy A.V. Biograficheskiy metod sbora polevoy informatsii // Polevaya etnografiya – 2008: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod red. V.A. Koz'mina, N.V. Yukhnevoy, I.I. Vernyaeva. SPb.: Izdatel'skiy dom SPbGU, 2010. S. 11–21.
6. Granitsa i lyudi. Vospominaniya sovetskikh pereselentsev Priladozhskoy Karelii i Karel'skogo peresheyka. SPb.: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 2005. 484 s.
7. Utrachennoe sosledstvo: evrei v kul'turnoy pamyati zhiteley Latgalii: materialy ekspeditsiy 2011–2012 godov / otv. red. S. Amosova. M.: Sefer, 2013. 382 s.
8. Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley / pod red. L.L. Kasatkina. M.: AST-Press, 2010. 512 s.
9. Eticheskie problemy polevykh issledovaniy // Antropologicheskiy forum On-line. № 5. S. 6–166. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf (data obrashcheniya 05.03.2015).

УДК 929/94(47).084.6

Роль биографических историй в этнографических исследованиях: интервью с Ф.Ф. Кравченко

Подготовка к публикации и вступление
Ирина Анатольевна Кузнецова

Научно-исследовательский центр традиционной культуры
ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор», Российская Федерация
350063, Краснодар, улица Красная, 5
E-mail: i.a.kuznetsova@gmail.com

Аннотация. Интервью с Федорой Федоровной Кравченко, уроженкой Успенского района Краснодарского края, актуализирует вопрос об исследовательском потенциале биографических материалов, собранных в ходе этнографических экспедиций. Обсуждается вопрос о соотносимости личных историй и обобщенных фактов. Характеризуются особенности взаимоотношений молодежи и брачные стратегии на Кубани в довоенный период.

Ключевые слова: этнографическое интервью; личные истории; семья; свадьба; частушки; Краснодарский край; 1920–1930-е гг.